

Она и Она.

Максим Миранский,
Москва, 17 ноября 2009 года.

Памяти Любы Миранской (12.08.1953-23.10.2009),
За то, что умела любить (отдавать),
За то, что ни к чему не была равнодушной,
За то, что научила не прятать личную несостоятельность за
параллельной реальностью слова...

Прядётся, прядётся, прядётся
Корявыми пальцами нить.
Придётся, придётся, придётся
Родителей похоронить.
Эй, вечность, ты всё ещё в детской
Иль перебралась на вокзал?
Везёт тебе, Царь Иудейский! -
Ты этого страха не знал...

Дочь -бесконечная мать.
Мать -бесконечная дочь.
И не пытайся понять.
Но попытайся помочь
Матери -дочь доносить,
Глупую, старую дочь,
Дочери -мать выносить
В ночь. В бесконечную ночь.

Вера Павлова, 1999.

Вера Павлова, 2000.

Моей мамы не стало... Точнее -ее не стало. Той, которая..., и далее
самые важные слова.

Ведь она никогда не была просто мамой, да и никогда кровь не была
для меня мерой. Между нами перетекала кровь иная: кровь дружбы,
кровь спасения, кровь ощущений и предчувствий. Ушёл, прежде всего,
необыкновенный человек, особенный, иной, но в чём?

Она умела любить (отдавать) и относилась к миру восторженно. Её
преувеличенный, гипертрофированный на всё взгляд научил меня
видеть за любым явлением не миф, но смысл. Поэтому мелочей для
неё не было: каждый факт на что-то намекал; каждая деталь была
слепком целого. Отсюда и красота, и как она воспевала оную. Как
легко было глазу выхватить её из толпы: этот подбородочек чуть
вверх, эти глаза девчонки, эти солнечные волосы, эти ткани и цвета:
вкус, вкус и вкус. Ни тётя, ни тётушка, ни тётка: Леди. Женщина до
кончиков пальцев и волос, мама была певцом жизни, не смерти:
отсюда моё неверие -кажется, пошутила, ушла, пропала, затерялась.
Ещё чуть-чуть -закончится мой ночной кошмар: и вот она рядом,
тёплая, и «от золота волос светло в углу» (Иосиф Бродский).

Теперь я понимаю, почему «жизнь – это сон», сеньор Кальдерон...

Думаю, там, где не могут наладить жизнь, начинают воспевать смерть. Строить вокруг неё веру, любовь, плохенькую жизнь (делать плохие дома, плохие машины, плохую одежду). Но мама была не такова, и на этой мякине её было не провести. Вот почему, говорливая, щебечущая, она не верила словам. Она не была человеком слова, но человеком дела. Безотказная, ко всему равнодушная, пламенеющая, делающая, доводя всё до конца, она творила свою молитву. Молитву поступков. Вот почему она любила вещи, результаты деяний. Вещи для неё творили из хаоса космос. Но она любила красивые вещи, вещи как знаки чего-то большего.

Перфекционист, она во всём искала и находила лучшее, творила лучшее и верила в него. Но, всё равно, к Ней пришла Она, и Её не стало. Нет, не мамы, а Смерти. Смерть оказалась меньше, побочным эффектом чего-то большего. Но Смерть – честная вещь. Она сбрасывает с нас одежды слов, и остаётся только чистое бытие, форма форм, Ничто, бывшее Всем, Всё, ставшее Ничем.

Помню, в детстве меня одновременно чудовищно забавляла и пугала одна ментальная процедура, к которой я прибегал время от времени. Я пытался отделиться сам от себя, задавая себе вопрос, не иллюзия ли я, не плод ли воображения, не продукт ли описания? Ниоткуда не следовало, что я – это я, данный человек с таким-то именем и таким-то видом. Я смотрел на себя, трогал себя, вспоминал себя, но нигде не находил точку опоры в том смысле, чтобы оправдать эту феноменологию. Переживания напоминали практику медитации с расфокусировкой. Ничто не казалось ни точным, ни вытекающим из чего-то большего/меньшего. Реальность уходила сквозь пальцы по мере того, как мой собственный образ перетекал по кругам сомнения. Вопрос «а что, если всё это не так?» занимал и забавлял лишь поначалу, а потом приводил в ужас. Ощущений не помню – точнее – не могу описать – нечто сродни падению: аналогичное чувствует тяжело больной перед сном, когда кажется, когда боишься, что, заснув, умрёшь. Но я шёл ещё дальше и отчуждал самые мысли свои. Вопрос «А уверен ли ты, что ты – это ты?» необходимо обратим: «А уверен ли ты, что ты – это не ты?».

Я тщился отринуть себя, но у меня почти получалось. Подходя к границе (умирание), человек соприкасается с Ничто, но это не аннигиляция, не отрицание и не концентрация, а смещение, расфокусировка, избавление. Так впервые я подглядел Ничто, бытие в

чистом виде. Заглянул ЗА мысли. А когда мама ушла, мне довелось вкусить Ничто.

В буддизме, например, Ничто тонко различается с небытием. Ничто – это не отрицание, не вторичность к чему-то, а избавление... от навязанных шаблонов мировосприятия, от инерции мысли; небытие же вторично, разрушительно для бытия, негативный импульс.

Ничто – не пустота (как её понимала европейская философия), не отсутствие бытия, а, напротив, идеал минимализма, образ бытия, насколько возможно очищенный от идей, трактовок, мнений, представлений и проч. Конечно, достижимо это только в состоянии святости –или... Смерти.

Смерть меняет только форму бытия; небытие, напротив, антибытийно, искажение бытия с целью деструкции самого бытия, а не одной из форм бытия. И Смерть, конечно же, невероятно провокативна, подобно Ничто, для тех, кто остаётся...

Смерть никогда не приходит вдруг. Ведь даже биологически она настолько относительна, насколько это можно себе представить. Биология давно и тщетно пытается найти границу (или формы) перехода от жизни к смерти и обратно (вирусы). Самое определение жизни и смерти до сих пор дебатруется. Клетки организма начинают умирать ещё до рождения человека. Потом и до самой Смерти наблюдается почти невероятная картина сложнейшего баланса новообразования и умирания (клеток). Одни клетки делятся периодически, никогда, таким образом, не умирая («женский сценарий»). Другие умирают во множестве по внутренним или внешним причинам, и новые поколения сменяют старые («мужской сценарий»). Продолжительность жизни клеток зависит от многих факторов. И только клетки одного геноза умирают одновременно. Организм умирает раньше, чем отдельные клетки, его составляющие. Причём, соответственно, чем выше уровень организации системы, тем рельефнее принцип этот выявляется. Апоптоз, запрограммированное самоубийство клеток, отвечает и за старение, и за механизмы смерти, но и за сопротивляемость болезням, и... за продление жизни. Точка необратимости Смерти колеблется от человека к человеку, от болезни к болезни. Смерть постоянно с нами. В нас. Одновременно она есть, и её нет. Она неуловима, но её присутствие постоянно. Ничто прорастает нас. И возвращает маму.

Нам с мамой повезло. Во мне её жидкости, ткани, нуклеиновые кислоты, белки. А теперь она совсем стала мною.